

ЖИЗНЬ МОЯ

писатели упорно исследовали проблему борьбы добра и зла, сил положительных и отрицательных, бога и дьявола, начал фаустовского и мифосто-фельского. Не стану подробно перечислять, кто какой смысл вкладывал в то или иное понятие. Достоевский, скажем, считал, что вся мировая история — это битва бога с дьяволом, а поле битвы — души людей. Давайте спросим себя: прекратилась ли битва за души людей в наше время? Нет, отвечают мы, не прекратилась.

Вот об этом — в большей или меньшей степени — все мои писания.

МНОГИЕ мои романы посвящены Киеву. Мне кажется иногда, что само слово «Киев» — это какое-то назывное понятие, обозначающее не один город, а множество. Оно объединяет века, славные события, бессмертный дух и гений самого места, реки, глиняных гор, лесов, неба, ветров и необъяснимой тайны вечности.

Город может быть разрушен так, что не останется ни одного уцелевшего здания, но все

го уцелевшего здания, но все равно будет существовать, если сохранится его дух. Киев разрушали множество раз, он

ся лишь воспоминанием о своем величии, но жил снова, воскресал, возрождался, и дух его возносился и торжествовал. В этом бесконечном упражнении возрождении нашего праславянского града отражается характер народа, сотворившего Киев полторы тысячи лет тому назад, народа, который никогда не отказывался от своих святынь, оберегал их среди всех лихолетий истории, защищал, даже погибая сам.

то ли о древнем, то ли о нынешнем, — я стремлюсь прежде всего писать о несгибаемом духе этого города, о Киеве как предоточии духовности народа древнерусского и украинского.

Раньше литература не разделялась на современную и историческую. Человечество было беднее, оно не имело истории. То есть история оно имело всегда, так как всякое «вчера» уже история. Но одно дело иметь, совсем другое — осознавать. Осознание истории, кажется, впервые пришло к древним грекам, с тех пор оно периодически обостряется в делах человечества, то меркнет, иногда совсем затухает.

Мое поколение (а это поколение А. Ананьева, В. Астафьева, Г. Бакланова С. Баруздина, Ю. Бондарева, В. Быкова) приобщено к чувству истории, собственно говоря, насилиственно. Была жесточайшая война, 16—17-лет-

точайшая война, 16—17-летними мы пошли защищать свою Родину, многие не вернулись (из моего года рождения уцелели три человека на каждого стоя), а кто вернулся и остался жить, тот обязан был рассказать о войне и жизни

все, все, что знал. В первые послевоенные годы это была современность, затем — история, включающая прежде всего войну.

Вот так само собой получилось, что мои писания пошли в двух направлениях: день настоящий, то есть современность, и день вчерашний, удаляющийся больше и больше, то есть история. Первые свои рассказы и повести я писал, не задумываясь над этими категориями, но вот во время работы над романом «День для грядущего», в основу которого были положены острейшие проблемы современности, возникла для меня тема Киева его многовековой истории, тема эта не укладывалась в рамки романа современного — так появилась мысль обратиться к истокам, и как следствие: четыре романа о Киевской Руси: «Диадема», «Смерть в Киеве», «Перелом».

«», «Чертёж в Киеве», «Первомост», «Евпраксия».

О моих исторических романах. Я начал писать их уже в зрелом возрасте — и литературном, и житейском: имея свыше десятка книжек и сорок лет за плечами. Для себя решил, что в задачу писателя не входит соревноваться с историками, описывая факты, беллетристу — те или иные события. Для литературы всегда главное — человек, в каких бы исторических временах мы его ни находили. Потом я узнал, что историки тоже сейчас пробуют посмотреть на свой предмет через человека, возникла даже специальная наука — историческая психология.

БОЛЬШЕ всего мне в стилистике прозы импонирует то, против чего часто выступают недальновидные критики. Называется оно «многословье». Я никогда не задумывался над определением термина, но сам очень люблю прозу именно «многословную», и когда страдаю и еще долго буду страдать от неумения писать, то прежде

всего из-за отсутствия этого самого многословия, вбирающего все богатство мыслей. Наша проза порой так тощая, как семь библейских коров, которые приснились фараону. Это редкое сито, в котором почти ничего не задерживает-ся. Это вахтенный журнал, в котором зарегистрировано только передвижение героев в пространстве. А проза Толстого и Достоевского, несмотря на внешнюю вроде бы хаотичность, и неорганизованность, и неплотность, в действительности настолько плотна, что

туда невозможно просунуть даже иголку. Там все заполнено. Заполнено именно благодаря необычному, сказочному богатству слов, мыслей, душевых порывов.

В сегодняшней украинской литературе для меня идеал богоугодного, щедрого и плотного письма — проза Олеся Гончара — от его «Знаменосцев» до новейшего романа «Твоя заря». Мне хочется быть многословным, мне хочется выговориться. Ведь писатели — единственные, кроме политических деятелей, люди, которым дан редчайший в жизни

ЧАСТО критики в нынешних литературных дискуссиях призывают нас писать книги только с ярко выраженным положительным героями, книги немедленного воздействия. При этом в пример нам ставится литература XIX века, советская литература 20—30-х годов. Видимо, они забывают, что литература должна быть многогранной, многообразной, — в этом ее богатство. У греков был Тиртей, но был и Гомер. Первый вел своими песнями фаланги в битвы, второй поднимает

Мои рассуждения не означают, конечно, что я отрицаю книги, которые мгновенно вспыхивают ярким пламенем, заигрывают души. Они, разумеется, нужны. Но, кстати, ни Н. Островский, ни Б. Половей, авторы книг, на мой взгляд, в этом отношении са-

взгляд, в этом отношении самых значительных, не думали о том, что их произведениям уготована такая счастливая судьба. Стала быть, литература и состоит из «Дон Кихота»

ией рубрике. С просьбой высказаться на страницах газеты на этот раз корреспондент «ЛГ» Бронислав ТАРОЩИНА обратилась к Павлу ЗАГРЕБЕЛЬНОМУ.

-
 - И ТИРТЕЙ, И ГОМЕР!
 - ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

высокие разговоры о взаимовлиянии и взаимопроникновении литератур. Чаще всего московские критики пишут о писателях-москвичах, украинские — об украинских, узбекские — об узбеках, и так далее. Конечно, хотелось бы, чтобы мы больше знали и больше интересовались друг другом. Это касается и переводов, и поездок, и книг. В нашей литературе сейчас происходит очень много интересных, ни на что не похожих вещей. А мы, к сожалению, не всегда знаем, что делается в союзных республиках.

УЩИМ

Композиторы в свое время сумели надежно оградить свой союз: чтобы стать его членом, нужно иметь диплома-

вым членом, нужно иметь для лом об окончании композиторского отделения консерватории. Литература открыта, как азбука, как дважды два. Она общедоступна. Это хорошо, это правильно, но давайте подумаем еще и об ответственности.

Прежде всего об ответственности идеологической. Оправдание литературы и ее самое высокое назначение заключаются в ее способности отразить жизнь человека, человеческое величие. Отчужде-

ловеческое величие. Отчуждение личности, духовной разобщенности, культуры индивидуализма, национальной вражде, которые господствуют в мире капитализма, мы противопоставляем принципы социального и национального равенства, идеи дружбы народов, начала коллективизма и взаимопомощи, создание благоприятных условий для проявления творческих сил и способностей личности.

представляют существу, это
дня точно так же, как сущес-
твовала и сто, и двести лет
тому назад. И так же, как в
давно минувшие эпохи, мы
порой недоумеваем, почему
вдруг не заслуживающие

внимания книгу восхваляют до небес критики, читатели тут же начинают за ней гоняться, а иной прекрасный роман проходит совершенно незамеченным. И изменить здесь что-либо трудно. Но ведь времена-то другие, средства информации у нас богаче, доступность литературы гораздо большая. Разве можно сравнивать нынешние миллионные тиражи с несоколькими десятками эзэм-

пляров книг, которые печатались в том же XVIII веке, скажем, в типографии Киевской Лавры? И тем не менее, мне кажется, мы недостаточно информированы о том, что сегодня происходит в литературе. А самая большая трагедия для человека творческого — это незамеченность. Допустим, критика все не может охватить, но пусть бы у нас была какая-то информация по линии библиотек. Ведь при огромном количестве библиотек в стране никто не следит за тем, как книжки читаются. Мы в Союзе писателей попробовали создать так называемую библиотечную комиссию. В нее вошли писатели, работники библиотек со всей республики (там несколько таких энтузиастов), чтобы сделать хоть первую попытку проследить, как книжка идет к читателю, как она читается, что пользуется наибольшим спросом. Комиссия работает уже год. И мы убедились, что любительством тут не обойдешься. Этим делом нужно заниматься всерьез, по-государственному. Ведь у нас не хватает бумаги, не хватает тиражей. Но в то же время есть книги, которые стоят то ли в магазинах на полках, то ли в библиотеках на полках. Я не призываю пустить эти книги под нож, но все-таки для нормального развития литературы необходимо

МНЕ КАЖЕТСЯ, все размышления наши о литературе имеют некий подтекст: мол, сколько бы мы ни говорили о ее качестве, но все-таки, несмотря на ряд прекрасных писательских имен, у нас почему-то нет сегодня ни Пушкина, ни Шевченко, ни Достоевского, ни Толстого. Я тоже многое над этим думал — а почему нет? И постепенно, много занимаясь историей литературы, я пришел к такому объяснению. (Скорей всего я ошибаюсь, профессора литературы меня немедленно поправят)

вят, но тем не менее осмелилось его высказать.) Все или почти все великие произведения как бы замыкали эпоху, все они были прощальной лебединой песней уходящего времени. Скажем, Данте — конец средних веков, затем начинается Возрождение. Длится оно примерно 200 лет. И только в конце Возрождения появились Шекспир и Сервантес, замкнувшие эту эпоху. Точно так же Толстой замкнул эпоху феодализма в России, о чем с блестящей поучительностью сказано в замечательных ленинских статьях о русском гении.

Вот закончится скоро XX век, и, кто знает, может быть, мир потрясет небывалое по силе писательское дарование...

В СЕ, ЧТО я написал и еще напишу, — про человека как самую большую ценность на земле. «Русский лес» Леонова — это все же роман не об охране лесов, а о сохранении душ людских. Я не верю в романы про реки, леса, пастбища, золоторогих оленей. Сберечь самого человека, защищить его, не дать посягнуть на его свободу, счастье, вос-

на его свободу, счастье, воспитывать в людях доброту и благородство — это актуально и сегодня, и будет актуально в 2000 году. Сегодня мы не можем вообразить перемены, которые принесут нам наука и техника в 2000 году. Но мы можем с уверенностью утверждать, что человеческое сердце не знает никаких ощущимых перемен. Так ли оно уж заметно изменилось со времен Платона и Аристотеля? Быть человеком во всем — вот заповедь для всех, в особенности для писателей.

10. The following table shows the number of hours worked by 1000 workers.